

М. В. СТРОГАНОВ

М. Е. Салтыков и Н. Щедрин: спор об имени

В общепринятой в настоящее время номинации *Салтыков-Щедрин* оба составляющих члена имени так уравнились в своих правах, что мы забыли даже, как оно таковое — составное — возникло, что оно значит и значило, каковы, наконец, причины такого симбиоза. И в настоящее время мы постоянно и повсеместно заменяем второй частью имени полное — двусоставное и делаем это не только тогда, когда речь идет о собственно писательской деятельности (например, известная книга Д. П. Николаева «Смех Щедрина». М., 1988), но и тогда, когда речь идет о литературно-критической деятельности нашего автора и — даже! — когда речь идет о нем как о человеке.

Сам М. Е. Салтыков, вступивший на литературное поприще под собственным именем (впрочем, использовались и псевдоним «М. Непанов», и криптонимы «М. С.» и «С.»), псевдоним *Щедрин* применил впервые в 1856 году, когда печатал в «Русском вестнике» «Губернские очерки». Николай Иванович Щедрин — персонаж и рассказчик, но также и литературная маска, которую применил Салтыков в данном цикле. Но когда «Губернские очерки» вышли отдельной книгой, на титульном листе ее читатель мог увидеть следующее: «Губернские очерки. Из записок отставного надворного советника Щедрина. Собрал и издал М. Е. Салтыков, 1857)». Конечно, такой «обман» никого провести не мог, но на это и не было расчета. Всем было известно, а кому не было известно, тот легко догадался, что Щедрин — это условный литературный персонаж типа Ивана Петровича Белкина или казака Луганского. Имя настоящего автора напечатано тут же: «собрал и издал».

Все дальнейшие свои произведения Салтыков печатал в журналах либо под псевдонимом Щедрин, либо без подписи. Когда же они выходили отдельными изданиями, на титульном листе значи-

лось: «Сочинение М. [Е.] Салтыкова ([Н.] Щедрина)»: «Признаки времени и Письма о провинции», 1869; «Дневник провинциала в Петербурге», 1873; «Господа ташкентцы. Картина нравов», 1873; «Благонамеренные речи», 1876; «В среде умеренности и аккуратности», 1877; «Сказки и рассказы», 1878; «Круглый год», 1880; «Сборник: Рассказы, очерки, сказки», 1881; «Убежище Монрепо», 1880; «Господа Головлевы», 1880; «За рубежом», 1881; «Письма к тетеньке», 1882; «Современная идиллия», 1883; «Недоконченные беседы (Между делом)», 1885; «Пошехонские рассказы», 1885; «23 сказки», 1887; «Пестрые письма», 1886; «Мелочи жизни», 1887. Восьмой том серии «Русская библиотека» (СПб., 1878) был назван «М. Е. Салтыков (Н. Щедрин)», и все собрания сочинений, осуществленные при жизни писателя, назывались «Сочинения М. Е. Салтыкова (Щедрина)» (1873 и др.). В двух случаях — «История одного города» и «Помпадур и помпадурши» — на титульных листах было обозначено: «...издал М. Е. Салтыков (Щедрин)».

Совершенно очевидно, что во всех этих случаях уточняющее приложение *Щедрин* к имени *Салтыков* означает: тот, кто подписывается в журналах Щедриным, либо тот, кто стал знаменит под псевдонимом Щедрин.

Таково самоназвание писателя, и оно на протяжении всей жизни Салтыкова точно и строго соблюдалось его современниками. Критики, впрочем, именовали его то Салтыковым, то Щедриным, — но на это они имели полное право: они откликались на современного писателя, а для современников второе имя было привычней первого, ибо редкий номер «Современника», а потом и «Отечественных записок» выходил в свет без этой подписи. Системы в этих именовании в общем-то не было, но некоторые тенденции наблюдаются: те, кто ближе знают писателя лично, называют его Салтыковым, кто знает лишь его сочинения — Щедриным. В этом отношении весьма показательны письма С. П. Боткина к Н. А. Белоголовому: в первом из них, относящемся ко времени знакомства Боткина с Салтыковым, последний назван как писатель — псевдонимом Щедрин, но далее — во всех других письмах — только Салтыковым**.

* Поставленные в квадратные скобки инициалы Е. и Н. появились только в ряде изданий и были, так сказать, факультативны.

** Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1940. Вып. 6. С. 74 и след.; ср.: там же. Вып. 2. С. 58–66. В обоих изданиях в датировке первого печатаемого письма допущена ошибка: оно помечено 15 августа 1881 г., когда Салтыков был

Едва ли не первым, кто нарушил эту субординацию имени и псевдонима, был безымянный (это очень важно, что безымянный: в истории почти все «правонарушения» так и остаются безымянными) критик «Недели», который в 1873 году, рецензируя «Господ ташкентцев» и «Дневник провинциала в Петербурге», писал в статье «Свежая струя в русской литературе»: «В Записках провинциала, изданных г. Салтыковым-Щедриным, мы имеем дело...»*

С чем рецензент имеет дело в «Дневнике провинциала в Петербурге» — это нам не важно. Для нас наиважнейшим оказывается, что в данном контексте обособленное приложение стало необособленным, слово *Щедрин* уже не уточняет слова *Салтыков*, а срастается с ним и появляется новый, неведомый доселе миру г. Салтыков-Щедрин. Есть на земле такие превращения...

Мне могут возразить, что подобное «правонарушение» совершил и близко знавший и хорошо понимавший Салтыкова И. С. Тургенев, который в письме к нашему герою от 24 сентября (6 октября) 1882 года, менее чем за год до своей смерти, предрекал: «Кто возбуждает ненависть — тот возбуждает и любовь. Будь Вы просто потомственный дворянин М. Е. Салтыков — ничего бы этого не было. Но Вы Салтыков-Щедрин, писатель, которому суждено было провести глубокий след в нашей литературе, вот Вас и ненавидят — и любят, смотря кто»**. Однако в этом письме я вижу, так сказать, некоторые смягчающие вину обстоятельства: здесь противопоставлены частное лицо и писатель, поэтому, чтобы усилить это противопоставление, Тургенев и использует необычную для его времени форму.

Негласное узаконение форма Салтыков-Щедрин получила в год смерти писателя, когда громадная часть некрологов была посвящена М. Е. Салтыкову-Щедрину***. Тогда же появилось и еще более несуразное: М. Е. Щедрин****.

за границей. Эту ошибку отметил С. А. Макашин в своем экземпляре 6-го выпуска и исправил на 1886 г. (экземпляр этого издания хранится в музее М. Е. Салтыкова-Щедрина). Между тем, как кажется, точнее и это письмо, как и все остальные в данной переписке, датировать 1884 г.

* Цит. по: Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина / Сост. Н. Денисюк. М., 1902. Вып. 2. С. 183.

** Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 305.

*** См.: *Добровольский Л. И.* Библиография литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине. 1848–1917. М.; Л., 1961. № 1727, 1728, 1731, 1736, 1799, 1841, 1846, 1847, 1862, 1951, 1953, 1986, 1987, 1952, 1988, 1996, 1997, 2011, 2013, 2022, 2023, 2024, 2031, 2123, 2189, 2208.

**** Там же. № 1960, 2098.

Постепенно эта неправильная форма получала все большие права гражданства и закрепилась наконец в последнем издании собрания сочинений писателя.

Надо, впрочем, сказать, что, несмотря на неавторизованность, форма Салтыков-Щедрин все же лучше, чем та, которая господствовала ранее: ведь автором предыдущего собрания сочинений был Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Случались и комические вещи. Посвященные Салтыкову 11–12 и 13–14 тома «Литературного наследства», вышедшие в свет в 1934 году, имеют суперобложку с факсимильно воспроизведенным автографом: М. Салтыков (Щедрин), а сами они на титульном листе названы просто Щедрин.

Зачем это произошло? Вряд ли это было кем-то сознательно и ясно высказано, но это было просто необходимо, потому что в писателе Щедрине видели резкого сатирика, обличителя дореволюционной России, — следовательно, революционера. С гражданином Салтыковым, государственным чиновником и частным человеком, дружившим со многими либералами, дело обстояло сложнее. Щедрин легче укладывался в схему.

К чему это привело? В последнем собрании сочинений, в первом томе, помещены ранние произведения писателя — еще Салтыкова, в двух томах (6 и 8) — статьи, печатавшиеся либо без подписи, либо под фамилией Салтыков, либо под другими псевдонимами (не Щедрин). В томе 6 опубликованы также анонимные произведения («Наша общественная жизнь»). А в трех последних томах: 18, 19, 20-м (это пять книг) собраны письма Салтыкова. Итак, в семи томах (девяти книгах) собрания сочинений — это чуть менее половины всего издания — помещены тексты, никак не связанные с именем Щедрин.

В результате это привело к тому, что мы совершенно потеряли писателя громадной трагической силы и имеем дело лишь с сатириком, мы как бы отказываем нашему писателю в том, что есть у него, как и у любого другого писателя, в положительной программе, и выдвигаем на первый план одно обличение.

Наконец, почему это могло произойти? Формулируя специфику решения проблемы «чужой речи» во второй половине XIX — начале XX века, М. М. Бахтин / В. Н. Волошинов называли эту тенденцию «релятивистическим индивидуализмом с его разложением авторского контекста», когда «авторский контекст утрачивает свою присущую ему нормально большую объективность сравнительно с чужой речью. Он начинает восприниматься и сам себя воспринимает в качестве столь же субъективной “чужой речи”».

В художественных произведениях это часто находит свое композиционное выражение в появлении рассказчика, замещающего автора в обычном смысле слова <...> Позиция рассказчика зыбка, и в большинстве случаев он говорит языком изображаемых героев»*. Случилось так, что герой и рассказчик одного произведения Салтыкова стал личностью более сильной и авторитетной, чем его автор, из предмета сатирического изображения и сатирической маски он превратился в носителя резко критической точки зрения, из служащего государству чиновника — в противостоящего самодержавному государству «революционера». Бывают на земле такие превращения...

Но своими заметками я хотел бы не решать вопрос, а открыть его, возбудить спор об имени.

* *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1930. С. 121.